

ОДЕССКИЙ ЛИСТОКЪ

Таким образомъ съ 1 августа сего года за перевозку хлѣбныхъ грузовъ между Тир. Заставой и Пересылью, плата будеетъ взиматься по 1/4 к. съ пуда. Что же насасется тарифа на перевозку хлѣбныхъ грузовъ въ портъ и на прочно манипуляции, то за перевозку грузовъ между Тир. Заставой и Пересылью съ одной стороны и поэтому съ другой по эстакадѣ или по низкимъ путемъ съ 1 сентября сего года будеетъ взиматься плата по 10 коп. съ четверти, съ расчетомъ платы за полную подъемную силу вагона.

За погрузку въ портъ посредствомъ конвейера или головныхъ трубъ: иненки, кукурзы и ржи будеетъ взиматься плата по 2½ к. съ съ четверти. Внѣпогрузка же механическими приспособленіями ячменя и овса будеетъ производиться бесплатно, а за перевозку зерна изъ Карачинъ изъ вагоновъ въ пораходы будеетъ взиматься плата по 6 коп. съ четверти.

Изъ вышеупомянутаго тарифа видно, что управление дороги по истечении двухъ лѣтъ со времени установления его одесской городской думы совмѣстно съ купечествомъ не желаетъ еще вводить тарифъ въ дѣйствіеъ въ полномъ его объемѣ, для того, чтобы не обременять одесской торговли большими расходами, хотя дорога имѣетъ право взимать еще ¼ к. съ пуда за перевозку хлѣбныхъ грузовъ между Тир. Заставой и Пересылью, 2½ к. съ съ четверти овса и ячменя, выгружаемаго механическими приспособленіями въ портъ, и 1/4 к. съ пуда за подачу вагоновъ съ грузомъ къ магазинамъ Тир. Заставы и Пересыль. Управление дороги категорически заявляетъ, что со 1 сентября сезоно 1885 г. тарифъ долженъ оставаться безъ измѣненій и во просыѣ хлѣботорговцевъ никакихъ дальнѣйшихъ понижений тарифа не будетъ.

Управление Ю. З. Ж. Д.

МАЛЕНЬКІЙ ЛИСТОКЪ.

На воздушномъ шарѣ.

Дождь лилъ какъ изъ ведра цѣлый день, маѣтъ взгрустнуло и я направился къ Александровскому парку, воспользовавшись темъ, что ливень прекратился.

Я люблю этотъ паркъ съ его тощими аканами, мозаичными слаями, молодыми и тощими тощими, поднимавшимися гордо въверхъ соня острогоничными головами, съ его запущенными кустами спрени, съ его белочора ложно взрыхленной землею, съ пропорциональными дорожками, ведущими Бога въсѧть къ ка. Хотя бушующая краса и гордость Одессы теперь не больше, какъ всѣмъ покинутыи пасынокъ, смиренно дождающійся лучшихъ времена, но я люблю его и въ этомъ незатѣмъномъ видѣ.

Была ночь. Дождь пересталъ, но тучи плотной бранью нависли надъ городомъ. Царила непроясненная мракъ.

Я сѣлъ на каменную скамью и собирался задремать, отдаваясь навѣнѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ будто я находился въ Александровскомъ парку, воспользовавшись темъ, что ливень прекратился.

Что это за черное пятно, формою напоминающее медведя? спросилъ я капитана, показывая виши.

— Таможня — посыпалъ отвѣтъ. Она дѣйствительно походитъ на медведя: таможенное зданіе — голова, пакгауз — брюхо, корабельный донъжъ — хвостъ, а карантинная рѣшетка — чешуя.

Этотъ грязный зѣбръ спалъ мергельнымъ сномъ. А днемъ, когда онъ лѣниво пробуждается отъ сна, расправляетъ могучія лапы и гроно щеками становится у входа въ городъ? Какое безчисленное множество тюковъ, ящиковъ, кипъ, мѣшковъ, сколько разного товара, начиная съ бульбажной головки и кончая маховыми колесомъ стоящей паровой машиной, исчезаетъ изъ его исполненной въ теченіи дня! Мнѣ вспомнилась сотни проворныхъ рукъ, прикасающихся къ документамъ на пропускѣ товара, причемъ каждая рука должна сѣзть свою помѣтку, простираясь къ своему номеру, внести въ свою книгу, наложить свою печать, вспомнилась эта муравьиная работа таможенныхъ чиновниковъ и я головы бѣгутъ къ нимъ съ такою рѣбѣю: «О, господа таможенные чиновники досмотрщики, артельщики, члены присутствія и проч. Продолжайте спокойно вѣзвѣшивать, измѣрять, обѣнѣвать, осматривать, опушивать, обнюхивать припывающие грузы... дѣло въ томъ, что вы, имѣтъ взятые въ каждый въ отѣльности — члены одного болесского организма, коитъ называется медведемъ. Правда, и услуги ваши городу иногда медведи, но не смущайтесь газетами замѣтками. Пускай нагруженные биндиги простаиваютъ у воротъ цѣлы нѣдѣль — это не вѣсъ. Видѣлъ лишь громадную, подвижную темную массу, неимѣвшую сколькаго ни съ однимъ обиденнымъ предметомъ.

Я быстро подошелъ.

— Это было аростство.

— Кто былъ въ арестѣ? спросилъ я неизвѣстныхъ людей.

— Мы заронили, — отвѣчали они. Намъ необходимо приготовить шаръ въ предстоящимъ полетамъ, и такъ какъ Александровскій паркъ великий, то мы избрали его мѣсто для нашихъ опытовъ.

— Но теперь ночь?

— Тѣмъ лучше. Наша работа останется въ тайне.

Не желаю имъ мѣшать, я собрался уйти.

— Куда вы, спросилъ меня капитанъ.

— Я не хочу въмѣстъ.

— Останьтесь.

— Зачѣмъ?

— Полегчимъ вѣмѣстъ.

— Куда?

— Этого я опредѣлить не могу, но ручайтесь вѣмѣстъ, что картина, какую вы увидите будетъ интересна.

— Вѣмѣстъ?

— Рукаюсь.

Въ самомъ дѣлѣ! какое заманчивое предложеніе: подняться нощью на воздушномъ шарѣ и парить надъ спящимъ городомъ!

— Дети! воскликнулъ я.

— Садись, — посыпалъ отвѣтъ.

Работа, очевидно, приблизилась къ концу,

важеное желаніе, чтобы вѣмѣстъ мы отгасились отъ благо цивилизаций и обратились бы въ первобытное состояніе!. Воля ваша, а это первая такая крайность, такая крайность...

И вовсе нѣтъ никакой крайности!. Съ

какой стати вы вздумали, вдругъ, обвинять меня въ томъ, что я желаю вашего

получить меня въ томъ, что я желаю, какъ я

всевозможныхъ геометрическихъ дорогъ съ кукуштаками, жѣлѣзныхъ деревьевъ, гор

и болотовскими катастрофами, гор

и болотовскими думъ, больницъ и проч. просл

естей и все это замѣнить боянствомъ адама,

и верблюдами пальмовыхъ пальмами?. Ни

за что въѣхѣ...

— Такъ чего же вы хотите?

Чего хочу? Чего?. О, такъ желаній

много,

Такъѣ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

Что, кажется, ихъ внутренней тре-

вогой

Сожжется мозгъ и разорвется грудь!..

Но одно изъ главныхъ желаній и впоин-

достижимыхъ, это то, чтобы мы о самихъ

себѣ больше думали, о самихъ себѣ больше

заботились, въ смыслѣ исправленія нра-

зовъ, а не о другихъ хлѣпотахъ, чтобы

про насъ нельзѧ было сказать:

Въ чужемъ глазу существо мы видимъ,

Въ своемъ — не видимъ и бревна!..

потому, что всѣдѣ за мною прыгнулъ въ гондому капитанъ.

— Долой капитанъ! раздалась неторопливая команда.

Шаръ плавно повинился въ воздухѣ. «Попись», — правильно-ли я выражалась? Разѣѣ онъ можетъ повиниться? Нѣтъ, онъ оторвался отъ земли, покралъ съ нею всѣ свои связи, отдался отъ нее и потонулъ въ атмосферѣ, между землей и облаками. Никакихъ толковъ, ни малѣшаго сотрясенія! Легко, спокойно и плавно, какъ греза поэта, какъ лунная мечта, устремился онъ въверхъ, пѣявшись мугучей стихіей.

И по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался выше и выше, я чувствовалъ, какъ и я самъ поднимался необыкновенною закону, какъ смирился монетръ и волнины, какъ легко и чудно становятся на дѣло, какъ новы силы трепещутъ изъ артерій, какъ полно и сильно дышатъ съ освобожденіемъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался выше и выше, я чувствовалъ, какъ и я самъ поднимался необыкновенною закону, какъ смирился монетръ и волнины, какъ легко и чудно становятся на дѣло, какъ новы силы трепещутъ изъ артерій, какъ полно и сильно дышатъ съ освобожденіемъ.

— Гдѣ мы, капитанъ? спросилъ я, охваченный благоговѣніемъ трепетомъ.

— Надъ Одессой, — отвѣчалъ аэропланъ.

— Но кромѣ непропащемага мгла... О, какъ бы я желалъ отдернуть эту могучую пелену, взглянуть на городъ при сини съвета!

Тонко новеллья законами природы, онъ покинулъ меня рукою и тихо произнесъ:

— Смотри.

Тучи раздѣлились. Сверкнулъ блестящій серп луны и ровный, блѣдно-зеленый свѣтъ разлился по съяющему миру.

Я взглянула на городъ.

О, какая пленепадаемая, сказочная, волшебная картина! О, таинственная сила неизвѣстной Ханы... Иногда, вонючей порой, къ ней возвращается раздѣлокъ и тогда она паччетъ изъ ней въздушокъ, а въздушокъ изъ ней въздушокъ.

Капитанъ усмѣхнулся:

— Это городская больница...

— Даѣшь, даѣшь! Я задыхаюсь въ этой удушливой атмосфѣре.

Баргъ раздался дикий воя.

— Вѣдьма стонетъ?

— Нѣтъ, это риданіе обезжѣченной Ханы... Иногда, вонючей порой, къ ней возвращается раздѣлокъ и тогда она паччетъ изъ ней въздушокъ, а въздушокъ изъ ней въздушокъ.

Капитанъ усмѣхнулся:

— Это городская больница...

— Даѣшь, даѣшь! Я задыхаюсь въ этой удушливой атмосфѣре.

Баргъ раздался дикий воя.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

Едва онъ кончилъ, какъ настѣна струя такихъ ароматовъ, о которыхъ могутъ имѣть понятіе лишь обитатели Пересыли.

— Спасибо... Задыхаюсь! взмолкала капитанъ, перемѣнившись въ направлѣніи.

Переѣзжий промелькнулъ большихъ размѣровъ гробъ, оказавшійся лѣтникъ тѣатръ Форкати, и нѣсколько погорѣлое.

— Постараитесь-ка лучше защитить свой собственный носъ.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

Едва онъ кончилъ, какъ настѣна струя такихъ ароматовъ, о которыхъ могутъ имѣть понятіе лишь обитатели Пересыли.

— Спасибо... Задыхаюсь! взмолкала капитанъ, перемѣнившись въ направлѣніи.

Постараитесь-ка лучше защитить свой собственный носъ.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

Едва онъ кончилъ, какъ настѣна струя такихъ ароматовъ, о которыхъ могутъ имѣть понятіе лишь обитатели Пересыли.

— Спасибо... Задыхаюсь! взмолкала капитанъ, перемѣнившись въ направлѣніи.

Постараитесь-ка лучше защитить свой собственный носъ.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

Едва онъ кончилъ, какъ настѣна струя такихъ ароматовъ, о которыхъ могутъ имѣть понятіе лишь обитатели Пересыли.

— Спасибо... Задыхаюсь! взмолкала капитанъ, перемѣнившись въ направлѣніи.

Постараитесь-ка лучше защитить свой собственный носъ.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

Едва онъ кончилъ, какъ настѣна струя такихъ ароматовъ, о которыхъ могутъ имѣть понятіе лишь обитатели Пересыли.

— Спасибо... Задыхаюсь! взмолкала капитанъ, перемѣнившись въ направлѣніи.

Постараитесь-ка лучше защитить свой собственный носъ.

— А что?

Мы приближаемся къ ставкамъ.

<p

